

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник материалов
Республиканской научно-практической конференции

Брест, 12 апреля 2018 года

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2018

УДК 373.5.016:81(082)
ББК 81.2Рус+81.4Бел
К 63

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор **В.И. Сенкевич**
кандидат филологических наук доцент **Н.Н. Борсук**

Научный редактор

кандидат филологических наук доцент **Г.М. Концевая**

К 63 **Коммуникативное пространство и информационное поле**
в языке и речевой деятельности : сб. материалов Респ. науч.-практ.
конф., Брест, 12 апр. 2018 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ;
науч. ред. Г. М. Концевая. – Брест : БрГУ, 2018. – 197 с.
ISBN 978-985-555-808-9.

В сборнике представлены материалы, посвященные вопросам исследования коммуникативного пространства и информационного поля в языке и речевой деятельности.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, учителям, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 373.5.016:81(082)
ББК 81.2 Рус+81.4 Бел

ISBN 978-985-555-808-9

© УО «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», 2018

С.А. Руткевич
Пинск, УО «ПолесГУ»

ВАШ ВЫХОД, ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА!

Проблема вербального общения никогда не реализовалась столь масштабно, как сейчас, что вызвано реальностями современного мира, прежде всего результатами научно-технической революции. При этом произошло перераспределение функций и задач коммуникации, решаемых с помощью устного и печатного слова: все заметнее в самых разных сферах, ситуациях, каналах общения доминирует звучащая речь, а собственно устная при этом теснит озвученную письменную.

Бытовая, деловая переписка почти полностью уступила свое место переговорам. Чтение серьезной литературы всё очевиднее перестает быть формой досуга широких масс. Словесно обеспечиваемое удовлетворение познавательных, эстетических потребностей современного человека все в большей степени реализуется в русле устного общения (в числе прочих – журналистом, диктором, автором или исполнителем, с персонажем).

Отсюда – в силу отличий устной речи от письменной (устная речь, как правило, неподготовленная, непринужденная; формируется постепенно, поступательно, «порционно»; развертывается во времени необратимо; имеет просодический и паравербальный ресурс; говорящий контролирует прежде всего логико-композиционный, синтаксический и частично лексико-фразеологический уровни, фонетика и грамматика языка реализуются автоматически) – снижение культуры публичной речи. Лексические неточности, грамматические ошибки, недостаточная структурированность, слова-паразиты, элементы колебания, штампы, перебивы, самокоррекция... К этой объективной, закономерной обусловленности «редукции» грамотности – точности – логичности – чистоты – уместности – разнообразия устной спонтанной речи (по сравнению с письменной) добавляются «отметины» социокультурного статуса новых публичноговорящих (термин наш. – С. Р.).

Упрощающие, демократизирующие изменения в массовых жанрах публичной речи сходны с изменениями в таких феноменах культуры, как массовый танец, гражданский костюм, архитектура, музыка (менуэты, вальсы, кадрили, польки разучивались, требовали знания всех «па», формирования навыков, понимания характера танца, в современных дискотеках осталось только два танца – быстрый и медленный, движения в обоих – «авторские».)

И в устную, и в письменную речь СМИ, как и в тексты беллетристики, прочно вошли факты «языка улицы» (требования оперативности, конкуренция на рынке данной продукции, социокультурные характеристики авторов и персонажей – основные причины экспансии стилистически сниженной лексики, фразеологии и аграмматизма).

Увеличение места и роли массмедиа в жизни современного общества предопределило возникновение феномена литературно-разговорной речи. Современным СМИ такая речь необходима для более эффективной реализации функции воздействия на общественное сознание, социально-конструктивной, социально-интегративной функции. Эту же функцию (среди прочих) реализуют и другие явления культуры, искусства.

Коллоквиализация массоориентированной речи, снижение требований к ее нормативности вызывают тревогу у специалистов языка, педагогов, родителей, у всех ревнителей ее чистоты, грамотности. Их не успокаивают утверждения известных лингвистов о незначительной способности языковой политики сдерживать процесс демократизации языка.

И обеспокоенность сторонников «спасения» нормализации, и антинормализаторские настроения проявляются еще отчетливее, когда в резонанс с тенденцией к оразговориванию публичной речи (общей для всех развитых современных литературных языков) вступает всплеск

вульгаризации речи в результате колоссальных социальных трансформаций (типа «перестройки»): оразговоривание дискурса в этом случае перерастает в его почти бесконтрольное опросторечивание, заставляющее вспомнить И.А. Бунина, определившего «новояз», порожденный переворотом 1917 г., как «большевистский воляпюк».

Нынешний «новояз» включает в себя множество разновидностей порчи языка. Не снижен, а просто разрушен порог терпимости к жаргонизмам, варваризмам, вульгаризмам. Ничего и никого не боится разгульная орфография: не соблюдаются правила употребления заглавной буквы, буквы э в заимствованных нарицательных словах. Засорены различными речевыми ошибками тексты передач даже на тех каналах телевидения, которые заставляют не согласиться с хорошо известным перифразическим синонимом к слову *телевизор*:

– почти поголовное «*нотемнеменькае*»;

– постоянное дублирование даже контактно расположенного подлежащего местоимением 3-го лица;

– упорно неправильное ударение в словоформах *кровоточит*, *издревле*, *апокалипсис*, *генезис*, *катарсис*, *толика*, *отзыв*, *вероисповедание*, *знамение*, *умерший*, *прибывший*, *склады (помещения)*, *исчерпать*, *валовой*, *средства (мн. ч.)*, *блага (мн. ч.)*, *включат(ся)*, *подключат(ся)*, *занявший*, *афиняне*, *латиняне*, *началась*, *занята*, *ходатайство(вать)*, *оценен*, *оценена*, *роженица*, *новорожденный*, *законнорожденный*;

– твердый согласный перед ударным [э] в словах *термин*, *компетенция*, *патент*, *шинель*, *газель*;

– смешение паронимов *оде(ва)ть* – *наде(ва)ть*, *принять* – *предпринять*, *командированный* – *командировочный*;

– алогизмы типа *большая половина*, *влияет на повышение давления (про гипотоников)*, *поднять тост*, *играть значение*;

– перевираание фразеологизмов: *вменить обязанность* вместо *вменить в обязанность*, *власть предержащие* вместо *власти предержащие*, *на кругу́ своя* вместо *на кругу́ своя*, *имеют место быть* вместо *имеют место*;

– ударный [э] вместо ударного [о] в словах *скабрзный*, *принесший*, *повлекший*, *никчемный*, *одноименный*, *закоперщик...* и [о] вместо [э] в словах *афера*, *гренадер*;

– неправильные формы множественного числа: *крема́*, *бухгалтера́*, *тренера́*, *возраста́*;

– ненормативное употребление причастных, деепричастных оборотов, однородных членов предложения;

– сбой, смещение синтаксической конструкции при использовании предлогов *вместо*, *помимо*, *кроме*, *наряду с*;

- неумение/нежелание склонять составные числительные и словосочетания с числительными, содержащими дробную часть;
- ошибки при употреблении частиц *не* и *ни*;
- плеоназмы типа *в апреле месяце, больше предпочитать, еще больше увеличился (вырос), vip-персоны*.

Причастны к подобному «усовершенствованию» не только рядовые носители русского языка, но и педагоги школы и вуза, журналисты, дикторы, ведущие теле- и радиопередач, артисты, политики и др.

Создается удручающая ситуация: обесмысливается и кодификация как самое важное условие обретения тем или иным вариантом употребления языкового знака статуса языковой нормы (возникает вопрос: а кому эти нормы «писаны?»), и лингводидактика (школьным учителям надо постоянно напоминать ученикам, что знания о правильной речи нужны только для прохождения централизованного тестирования).

Если узус все стремительнее и разительнее игнорирует норму, то сокращать этот небезопасный разрыв можно двумя способами: либо «вразумлять» узус, сдерживать его безответственность, заставлять считаться с нормой (это называют ретроспективной языковой политикой), либо следовать за реальным употреблением несколько быстрее, оперативнее, чем это подразумевается под терминологическим словосочетанием *историческая изменчивость нормы* (это называют перспективной языковой политикой: см. последние «послабления» в орфоэпии, например).

Можно спорить о том, какое из данных направлений языковой политики предпочесть, о том, какое должно преобладать, если целесообразными признать оба. Но мы не наблюдаем никакой языковой политики, никакой реакции на «великую смуту» в речевой деятельности русскоязычных говорящих, пишущих.

Очень показательное употребление заглавной буквы вопреки правилам орфографии (см. рекламные тексты, названия фильмов, передач, обложки книг и журналов и пр., включая новогодние открытки). Обнаруживающийся здесь «лингвотроцкизм» (ни войны, ни мира) почему-то многим кажется соломоновым решением.

В защиту узуса тоже можно многое сказать.

Давно нужна реформа в орфографии. Необходимо буквы согласных во всех приставках писать по фонематическому принципу, как это было до 1918 г. Нужно убрать из правил исключения типа *стеклянный, деревянный, оловянный, кристальный, оперетка* и др. Следует перейти на фонетический (как в белорусском) принцип написания букв *э* и *е* после согласных в иноязычных именах нарицательных и собственных, иначе к исключениям *сэр, мэр, пэр, пленэр, рэкет(ир), рэн(ер)* каждый год нужно будет добавлять столько же или больше.

Тем, кто отстаивает написание страдательных причастий прошедшего времени с двумя *н* в отличие от полностью совпадающих по звуковому составу прилагательных (*ломанный* – *ломаный*; *раненный* – *раненый* и др.), хочется предложить и причастия с суффиксом *-т-* начать писать с суффиксом *-тт-*, чтобы не путать с прилагательными (*битый час*, но *биттый ремнем*; *крытый каток*, но *крыттый недавно* и др.). Это будет последовательная орфография. Но лучше ей быть последовательной за счет одинакового написания причастий и прилагательных *мороженный*, *жареный*... (и здесь есть подсказка белорусской орфографии).

Зачем нужны три варианта написаний с *пол* («половина»), если словосочетания типа *пол чайной ложки* доказывают проницаемость морфемокомплексов с таким *пол*, будь то *полмандарина*, *пол-апельсина* или *пол-Беларуси*?

В Китае с этого года резко ужесточаются наказания за экопреступления. Может, и нам пора задуматься о сбережении здоровой окружающей среды, частью которой является и лингвосфера? Может, уже достаточно констатаций, что «русский язык на грани нервного срыва» (М. Кронгауз), и надо начинать действовать?